

УДК 796.332:929 Тотти Ф.
ББК 75.578
Т63

Francesco Totti with Paolo Condò
UN CAPITANO

Тотти, Франческо.
Т63 Тотти. Император Рима / Франческо Тотти ; [пер. с итал. А. В. Мурника]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. : ил. — (Иконы спорта).

ISBN 978-5-04-100215-2

Автобиография Тотти — история о том, как выдающийся футболист обменял сотни возможных трофеев на всенародную любовь. Как вынужденно ушел из национальной команды. Как из-за бурного темперамента принял множество спорных решений. И все равно стал легендой международного масштаба.

УДК 796.332:929 Тотти Ф.
ББК 75.578

ISBN 978-5-04-100215-2

© 2018 Mondadori Libri S.p.A., Milano
© Мурник Андрей Валерьевич, перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Моим любимицам
Илари, Фьорелле, Шанель и Изабель

Моим любимцам
Энцо, Риккардо и Кристиану

Предисловие

ПАРЕНЬ, сидящий во втором ряду, очень взволнован. Не думаю, что он вслушивался в речь начальника тюрьмы, и совсем не думаю, что вслушивается сейчас в мою речь. Не то чтобы мое выступление было блестящим, но я вообще-то готовился. Да какое там! Он нетерпеливо подпрыгивает на стуле, и ясно, что для него самое желанное мгновение еще впереди. Совместное фото, разумеется. В углу холла «Ребиббии»¹ установили подиум, закончилась церемония награждения победителей турнира по мини-футболу, и я буду там сниматься со всеми желающими. Вот чего он ждет.

— Первы' — я!² — смеется он возбужденно и весело, даже с вызовом, и мне становится любопытно. Первый — что? Я заканчиваю речь и снова смотрю на него, он все так же нетерпеливо подпрыгивает. Ему лет двадцать, максимум двадцать два, и одет он чуть лучше остальных арестантов.

— Я первы' сфотографи', — повторяет он, и на этот раз обращается ко мне, показывая большие пальцы, как будто сообщает мне, что наступил какой-то заранее согласованный организационный момент.

¹ Тюрьма в Риме. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

² Некоторые диалоги (преимущественно — между римлянами) Тотти передает с помощью романеско-римского диалекта.

Вручение наград, рукопожатия; взгляды — как у обычных тифози, но немного более напряженные. Я здесь не впервые, да и в тюрьму «Реджина Чели» тоже приезжал, и это чувствительные посещения: снаружи трудно представить, что значит быть внутри.

— Я тут, я тут!

Толкотня около места для фотографирования, где охранники вежливо, но решительно наводят порядок в движении около меня, создалась из-за порыва моего «друга». Теперь мне уже любопытно: что изменится для него, если он сфотографируется первым, десятым или сотым? Я буду позировать здесь до последнего желающего, это я уже всем сказал. Но парень все равно рвется вперед, расталкивая очередь, шныряя туда-сюда — не нагло, но с решимостью, и примечательно, что ему это позволяют делать. Внешностью он не пугает — тощий и невысокий, — и все же другие обходятся с ним со смесью уважения и развлечения. Он все еще подпрыгивает, как боксер перед соперником.

— Я тут, расступись, — говорит он, когда до меня остается метра три и нас разделяют двое других заключенных. Они оглядываются на него, щербато улыбаясь, и отступают в сторону, чтобы дать ему пройти. Да кто он такой? Неужели босс? Такой молодой — и босс?!

— Дава', иди сюда, тольк' успокойся, — притворно-ворчливо подзываю я его.

Он встает рядом, обнимает меня за талию, я его — за плечо. Раз, два, три — щелк! — он счастлив и горд, большой палец поднят вверх. Его глаза горят, как у всех тифози, которые искренне любят меня, и его радость заразна, потому что, едва посмотрев на него, все смеются. Он собирается уходить, но я придерживаю его рукой: я слишком заинтригован, я должен понять. Почему именно он должен быть первым?

— Понима', я должен был откинуться неделю наза', все, срок закончился. Но когда я узнал, что ты приедешь, я сказа' себе: «Когда я еще смогу сде' фото с капитаном? Никогда, живи я хоть сто лет...» Тогда я напросился на прием к нача' и уговорил его, чтобы он оста' меня в тюрьме до сегодняшнего дня. Вообще-то по правилам так нельзя, но я сыгра' джокером: «Смотри, если ты меня отпустишь сейча', я тут же сделаю какую-нибудь хрень, и все равно верну', и кому из нас от этого будет хорошо?» И он согласи'. Ну все, тепе' я пошел, меня девчо' уже три года ждет...»

Надеюсь, что терпения этой девушки хватило на лишнюю неделю, особенно если кто-нибудь рассказал ей о причинах его задержки. Семь лишних дней на галерах только ради того, чтобы сфотографироваться со мной.

Забавная история, я знаю: когда я рассказываю ее за ужином, друзья сначала таращат глаза, потом не верят и в конце концов покатываются со смеху. Но потом я прощаюсь с ними, возвращаюсь домой, закрываю дверь, и перед тем, как уснуть, иногда снова вспоминаю об этом. Чем я заслужил такую безумную, абсолютную, преувеличенную любовь? Я не просил ее для себя, и говорю это сейчас не для того, чтобы снять с себя ответственность, которую эта любовь накладывает, уж ответственности-то я никогда не боялся. Нет, я не просил такой любви потому, что я застенчив.

Ну вот, я это сказал. Знаю, что на поле я таким не выглядел, но вы не должны судить обо мне только по этому, ведь поле — это джунгли, и если зубы у тебя не вырастают быстро, то ты пропадешь; поле — это прежде всего вопрос выживания. Я же говорю о Франческо внутреннем, о ребенке, который прятался под одеялом от страха, когда мама уходила за покупками, оставляя его на полчаса в одиночестве. И, чтобы не слышать странные шумы,

ЧЕМ Я ЗАСЛУЖИЛ
ТАКУЮ БЕЗУМНУЮ,
АБСОЛЮТНУЮ,
ПРЕУВЕЛИЧЕННУЮ
ЛЮБОВЬ?

которые чудились ему в других комнатах, он увеличивал громкость телевизора, когда смотрел «CHiPs» — сериал про двоих полицейских, что ездили на мотоциклах по калифорнийским дорогам, своих первых друзей детства. Я был застенчив тогда и остаюсь таким и сейчас. Я смущаюсь при проявлениях любви; они мне очень лестны, но мне стоит трудов принимать их. Это до сих пор так: когда я приезжаю с командой на стадион, в аэропорт, в гостиницу — все бегут ко мне. В такие минуты мне хочется провалиться под землю: я уже не играю, герои сейчас другие, идите к ним и заряжайте их своей любовью так, как вы заряжали меня в течение двадцати пяти лет. Идите к Даниэле, сейчас наш капитан — он. Но куда там! Я пытаюсь утешить себя, думаю, что таким образом снимаю давление с игроков, делаю так, чтобы их оставили в покое, чтобы они сохранили энергию для матча. Но мне неудобно, мне очень-очень неудобно.

Так было всегда, практически с первого дня. Я, римлянин и «романиста», считаю членом семьи. Все тифози «Ромы» хотели бы, чтобы я был их сыном. Вот в чем, наверное, заключается разница между мной и другими: как правило, талантливый и лучший в команде футболист — идол, образец для подражания, постер на стене комнаты. Это очень приятно, но не то же самое, что член семьи. Я — кто-то больший, я сын и брат. Ощущение чудесное, однако и немного давящее. Идолы уходят в прошлое, постеры срываются. А сыновей и братьев не предают никогда, или, по крайней мере, никто не думает, что это может произойти. Такое особенное, такое всеобъемлющее чувство позволило мне стать для многих символом «римляинства». Это тоже великая честь. Но и ее я для себя не просил.

Когда фильм «Великая красота» получил «Оскара», я решил посмотреть эту картину, я почувствовал себя

обязанным это сделать. Прошло шестьдесят секунд после начала фильма, может, меньше, и я полностью погрузился в него. Не шучу. Никто не догадался, ну или никто никогда этого не говорил, но я сразу же отметил кое-что. Начальная сцена снята на Яникуле, около памятника Гарибальди, и первая надпись, которую можно увидеть в фильме, — «Рим или смерть». Затем камера перемещается в сады, выхватывает несколько странных лиц среди бюстов героев прошлого и останавливается на женщине, уже немолодой, но очень сильно накрашенной, с сигаретой во рту. Женщина держит газету, читает ее, это *Gazzetta dello Sport*. Так вот, заголовок, виднеющийся на странице, — это вторая надпись, которая появляется в фильме: «За Тотти тревожно». Меня это поразило. Под заголовком размещена фотография, на которой я корчусь от боли, лежа на земле; вероятно, в статье говорится о моей травме, а тревога, должно быть, связана с моим неучастием в следующем матче. Это мелочь, но вместе с тем кино, которое весь мир посмотрел из-за того, что оно — гимн любви к этому городу, начинается с моего имени.

Рим — наша мама, мы все это знаем. Быть ее любимым сыном — это чудесно, но все же иногда пугающе. И снова в голове крутится вопрос: чем я заслужил такую безумную, абсолютную, преувеличенную любовь?

1

Избранный

МОЙ кузен Анджело нетерпеливо машет рукой.

— Иди! Иди! — громко шепчет он.

Я полностью парализован, весь покрылся гусиной кожей, мне хочется провалиться сквозь землю от стыда.

Динамик только что прокричал мое имя, назвав меня лучшим бомбардиром. Прекрасный летний вечер, и целая трибуна у поля «Фортитудо» начинает аплодировать, там тысячи две зрителей. А мне едва исполнилось шесть лет.

— Тотти! Франческо! — говорящий сделал короткую паузу. — Где он? Франческо!

Анджело похлопал в ладони около моего лица, как бы говоря: «Эй, очнись, тебя зовут». Я отвечаю ему ужасной гримасой, от которой сморщивается лицо. Ему, моему лучшему другу детства, сыну маминого брата, легко: он всегда был бойким, прежде всего со взрослыми, но и не только с ними — он на десять месяцев старше меня.

— Франческо! — увидел меня наконец ведущий церемонии. Он крикнул громче и подозвал меня своей ручищей: — Подойди, подойди!

Казалось, что все повторяют два раза каждое слово потому, что я туго соображаю, но на самом деле я просто застенчив. Очень застенчив. Я делаю усилие, набираю

в грудь побольше воздуха и поднимаюсь по ступенькам на подиум, туда, где вручают награды.

Я играю в «Фортитудо» уже около года, на поле недалеко от дома, в самом сердце квартала. Все наши мальчишки из Порта Метронии записываются сюда, и каждое лето здесь проводится турнир, двенадцать команд по восемь человек в каждой. Мы — «Ботафого» и выиграли в финале у «Фламенго». Я не капитан, так что сегодня вечером я пришел сюда спокойным, зная, что кубок поднимать придется не мне. Но я не подозревал, что будут еще и индивидуальные трофеи. Ведущий церемонии вручает мне приз, где-то здесь мама и папа, но я их не вижу. Анджело (он, конечно, в одной команде со мной) довольно улыбается, думая, что я преодолел свою застенчивость. Как бы не так! Я все еще хочу испариться, но если на тебя смотрят две тысячи пар глаз, ты не можешь делать вид, что тебе все равно. Я смутно соображаю, что было бы вежливым поблагодарить, но мысль о том, что придется говорить в микрофон, меня не увлекает. Я упираюсь взглядом в землю, и, как только чувствую, что ладонь награждающего ослабляет рукопожатие, я смываюсь в надежде, что все внимание теперь сосредоточится на следующем прижере. Я быстро сбегая по ступенькам, снова обретаю почву под ногами и попадаю в объятия ребят из моей команды, которые хотят рассмотреть приз. Я окружен ими, то есть скрыт ото всех наилучшим образом. Хрип динамика вещает, что сейчас он скажет что-то еще. Голос ведущего монотонный; не похоже, что он сообщает что-то новое.

— Лучший игрок турнира — Тотти Франческо.

О, не-е-ет!..

Застенчивый, это верно. Прежде всего — молчаливый. Я начал понемногу говорить, когда мне было почти пять лет: мне было настолько трудно складывать слоги, что

мама стала водить меня к логопеду, чтобы понять, нет ли у меня каких-нибудь патологий гортани.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее врач, сделав несколько тестов. — Франческо нужно просто начать. Он сейчас вроде машины на ручном тормозе. Надо просто опустить этот рычаг.

Он оказался прав. Как это и случается со всеми детьми, я однажды просто перестал над этим задумываться.

Оглядываясь назад, я думаю, что на мое нежелание выражать свои чувства повлияла грусть по деду Костанте, отцу моей мамы, который приехал к нам жить после ампутации ноги и чувствовал себя не очень хорошо. Он всю жизнь ремонтировал холодильные установки, и, вероятно, постоянная смена температурных режимов — из тепла в холод — спровоцировала гангрену. Наши кровати стояли в одной комнате, и каждый вечер я, притворяясь, что уже сплю, в изумлении следил за тем, как мама снимала с деда протез и клала его около батареи. В моем понимании мама снимала с дедушки ногу, и это повергало меня в ужас. Однажды ночью я дождался, когда дедушка захрапел, поднялся с кровати, тихонько подкрался к протезу, чтобы потрогать его, и обнаружил, что он деревянный. Я стремглав бросился в кровать, рискуя разбудить деда, и спрятал голову под подушку. Позже, когда я уже ходил в школу, его состояние ухудшилось, и мама попросила соседку, синьору Скибба, приютить меня на некоторое время. Папа перетащил к ней домой кресло-кровать, я ходил в школу с ее дочками, Флавией и Робертой, и чувствовал себя замечательно. Когда дедушка умер, мама, разбирая его вещи, показала мне его пожизненное удостоверение члена фан-клуба «Ромы». Я невероятно гордился дедом.

Мне часто приходилось оставаться дома в одиночестве. И я немного этого побаивался. Это случалось по утрам, когда папа уходил в банк на работу, Риккардо, мой брат, —